

УДК 314.15

ББК 60.74

DOI 10.22394/1682-2358-2019-6-95-100

А.Ю. Кочepasова, post-graduate student of the Department of Sociology of Communications and Management at the Engels Municipal District Administration, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

**ANALYSIS
OF THE INFLUENCE
OF SUBJECTIVE
AND OBJECTIVE
FACTORS ON THE
REPRODUCTIVE
STRATEGIES
FORMATION
OF CITIZENS
OF MODERN RUSSIA**

Subjective and objective factors in the formation of individual reproductive strategies of modern Russian citizens are analyzed. It is concluded that subjective factors play the most significant role in the reproductive strategies formation.

Key words and word combinations: life scenario, reproduction, reproductive strategies, factors of reproductive strategies formation, modern society.

А.Ю. Кочepasова, аспирант кафедры социологии коммуникаций и управления на базе администрации Энгельского муниципального района Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (email: kochepasova68@mail.ru)

**АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ
СУБЪЕКТИВНЫХ
И ОБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ
НА ФОРМИРОВАНИЕ
РЕПРОДУКТИВНЫХ
СТРАТЕГИЙ ГРАЖДАН
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. Изучается совокупность субъективных и объективных факторов, способствующих формированию индивидуальных репродуктивных стратегий граждан современной России. В результате проведенного анализа делается вывод о том, что более существенную роль в формировании репродуктивных стратегий играют субъективные факторы.

Ключевые слова и словосочетания: жизненный сценарий, репродукция, репродуктивные стратегии, факторы формирования репродуктивных стратегий, современное общество.

В настоящее время российское общество достаточно быстро модернизируется. Это происходит на фоне таких социальных феноменов, как изменение характера трудовой деятельности, требующей высокого уровня специального образования (прежде всего технического), внутренняя и внешняя трудовая миграция, новые формы девиантного

и аддиктивного поведения и т.п. Репродуктивное поведение самым тесным образом связано с указанными феноменами, поэтому выявление факторов, влияющих на формирование репродуктивных стратегий, оказывается весьма актуальной задачей. Критически высокая плотность населения в странах Востока, Африки и Латинской Америки является фактором, стимулирующим к экспансии мигрантов из этих стран на территории других государств. Для России наиболее важна проблема экспансии Китая в Сибирь и на Дальний Восток. Наблюдаемое в Российской Федерации снижение рождаемости, происходящее несмотря на очевидные усилия государства в области социальной политики, ставит под угрозу традиционный этнический баланс в указанных регионах. Для предотвращения этой опасности необходимо осуществлять постоянный мониторинг сложившейся ситуации, отчетливо представляя себе всю совокупность факторов, обуславливающих репродуктивное поведение.

В российской науке исторически сложилось несколько основных подходов к анализу феномена репродуктивного поведения. Первый подход — психологический, в рамках которого репродуктивное поведение является следствием реализации жизненного сценария и исследуется как осознанная или неосознанная субъектами совокупность репродуктивных сценариев (его придерживаются Н.В. Гришина, Е.В. Зиновьева, С.Н. Костромина, И.А. Мизинова, Н.А. Москвичева и др.). В частности, С.Н. Костромина и ее соавторы определяют понятие жизненного сценария, во-первых, как текущий жизненный план, характеризующийся неосознаваемостью, и сформированный в раннем детстве под влиянием родителей, согласно которому люди структурируют более длительные периоды времени и даже всю свою жизнь, заполняя ее ритуальной деятельностью, времяпровождениями, развлечениями, играми; во-вторых, как автоматизированные событийные схемы — «скрипты», включающие представления об организованных последовательностях событий, целях поведения, возможных ролевых предписаниях; в-третьих, как индивидуальную, или личную жизнь в ее динамике; в-четвертых, как смысловую систему, не только зависящую от социализирующего влияния, но и выстраиваемую самой личностью; в-пятых, как процесс упорядочивания опыта, сопровождающийся символизацией субъективных переживаний, результатом которого является связный рассказ — нарратив; и, наконец, в-шестых, как процесс структурирования личностной событийной картины жизни, направленный на ее совершенствование посредством творчества [1, с. 342]. Нетрудно заметить, что сценарии репродуктивного поведения разворачиваются в пределах общего жизненного сценария.

Второй подход — социологический, придерживаясь которого, исследователи (В.Н. Архангельский, А.И. Антонов, А.Г. Волков, В.В. Елизаров и др.) стремятся выявить социально-экономические детерминанты репродуктивного поведения. В данном подходе следует выделить гендерный анализ репродуктивного поведения, который в качестве основных влияющих факторов усматривает «нормализующее», а по сути, репрессивное воздействие социально-политических и культурных норм (О.Е. Бредникова, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина, Е.Р. Ярская-Смирнова, А. Роткирх и др.).

Проблема выявления, а также фактуального и теоретического обоснования факторов, в наибольшей степени определяющих специфику формирования

индивидуальных репродуктивных стратегий, представляется сложной и противоречивой. Сложность проблемы состоит в ее «многоуровневости», заключающейся в соединении или даже столкновении личного и общественного, субъективного и объективного. Противоречивость, в свою очередь, производна как от качественного различия «полевого», собираемого социологами, материала (данные анкетирования, интервью и т.п.), так и от методологической позиции, через призму которой исследователь интерпретирует данный материал.

Не подлежащим сомнению, на наш взгляд, представляется только то, что все факторы можно маркировать понятиями субъективного и объективного. К субъективным факторам относятся следующие: необъективная оценка уровня жизни; здоровье; наличие или отсутствие принадлежности к той или иной религиозной конфессии; характер занятости; уровень образования. Объективные факторы включают в себя следующее: реальные доходы и уровень жизни населения; транслируемые СМИ, общественные нормы и ценности; специфику социальной и культурной политики; уровень социальной, экономической и политической стабильности.

В одной из статей Д.Г. Ягафарова определяет три группы населения, наиболее чувствительные к проблеме экологии: «Во-первых, более обеспеченная группа населения, так как в силу большей удовлетворенности в базовых потребностях важным для них становятся факторы безопасности жизни. Во-вторых, люди с более высоким уровнем образования, имеющие более широкие знания и взгляды на жизнь, осознающие свои права и последствия неблагоприятия экологии. В-третьих, люди, имеющие проблемы со здоровьем, которые в силу своих проблем склонны более других отслеживать риски в этой области» [2, с. 45]. Выделенные группы, на наш взгляд, наиболее внимательны и к формированию репродуктивных стратегий. Обеспеченные люди при планировании потомства неизбежно окажутся перед проблемой разделения наследства; образованные люди столкнутся с вопросом «семья или карьера?»; люди, имеющие проблемы со здоровьем, станут основательно просчитывать возможные последствия.

На первый взгляд, характерная для указанных групп основательность подхода к формированию репродуктивных стратегий должна в результате привести к нескольким социально значимым последствиям: сокращению числа потомков (для материально обеспеченной группы), отсроченному рождению (для высокообразованной группы) или полному отказу от продолжения рода (для физически и / или психологически нездоровой группы).

В действительности можно наблюдать совсем иную картину. Материально обеспеченная группа, не принимая во внимание риски долгосрочного проекта, будет стремиться к максимально возможному (и при этом материально обеспеченному) количеству потомков. Зависимость числа детей от высокого уровня образованности рядом исследователей также подвергается сомнению: «Обычно считается, что высокий уровень образования женщин и их участие в общественной жизни способствуют откладыванию рождения детей на более старшие возраста. Но именно Россия ставит эту теорию под сомнение. Наблюдается не только сохранение брачного возраста, но даже снижение среднего возраста материнства в России после Второй мировой войны» [3, с. 433—434]. Что касается людей, имеющих проблемы со здоровьем, то их

личное стремление к выживанию может обрести форму «продолжения себя в своих детях».

Религия и традиции (прежде всего семейные) также способны привести к значительным корректировкам и без того сложной картины. Например, в ряде восточных религий (ислам, индуизм) социально одобряемой нормой являются такие семьи, которые в современной европейской культуре были бы названы многодетными. Более того, на выбор репродуктивных стратегий влияет и характер занятости. Традиционные нормы и ценности в сельской местности трансформируются гораздо медленнее, чем в городах, и траектории жизненного пути практически не претерпевают изменений в течение длительных периодов.

Что касается представлений о семье в современной отечественной социологии, то их динамика отчетливо выявлена Е.Р. Ярской-Смирновой: «Как показывает анализ современных отечественных публикаций о семье, концептуальные основания исследований претерпевают достаточно резкие изменения за весьма сжатые сроки. Если в начале 1990-х годов при изучении социальной и демографической ситуации оперировали терминами разрушения и гибели семьи, глобальном кризисе репродуктивного поведения, то уже в публикациях 1996–1997 годов признается плюрализм и анализируются тенденции модернизации форм семьи» [4, с. 175]. Модернизация форм семьи, отмечаемая исследователями, продолжается и в наши дни, хотя возвращение к семье современной или даже патриархальной нередко представляется желаемым в поддерживаемых РПЦ официальных дискурсах.

Все это означает только одно: в настоящее время традиционные траектории жизненного пути (сценария) претерпевают существенные изменения, обуславливая трансформацию стратегии репродуктивного поведения. Очередная модернизация российского общества приводит к постепенному осознанию значительной частью общества (прежде всего, молодежью) собственной свободы, понимаемой не в качестве выбора подходящего из предоставляемых обществом социально-одобряемых вариантов репродуктивного поведения, но как способности формировать собственные, часто имеющие девиантный характер стратегии. Данное положение вызывает обоснованную тревогу исследователей: «Сложные процессы, протекающие в обществе с 90-х годов XX века, затронули все сферы жизнедеятельности и прежде всего отразились на семье, привели к ее кризису. ...данное обстоятельство нашло свое отражение в нестабильности взаимосвязей, обуславливающих рост разводов, семейное насилие, увеличение числа семей, ведущих аморальный образ жизни, неисполнение ею своих функций, и в первую очередь репродуктивной, социализационной, воспитательной» [5, с. 107].

Влияние объективных факторов на формирование репродуктивных стратегий также представляется противоречивым. Очевидно, что в настоящее время, несмотря на внешнеполитические успехи, Россия пребывает в ощутимом экономическом кризисе. Подобная ситуация не может не влиять на репродуктивное поведение представителей российского общества. В биологии понятие репродуктивных стратегий в основном демонстрирует зависимость качества заботы о потомстве от условий окружающей среды: «Как утверждает тео-

рия эволюции, природа берет на вооружение те репродуктивные стратегии, которые позволяют произвести наиболее преуспевающее (приспособленное) потомство — остающееся в живых до тех пор, пока оно само не оставит потомков. В действительности, в природе существуют две противоположные стратегии — стратегия *r* и стратегия *K*, и выбор в пользу одной из них зависит от условий окружающей среды» [6]. Стратегия *K* инстинктивно применяется высшими животными (например, приматами) в относительно устойчивых условиях окружающей среды и предполагает наличие небольшого количества детенышей при максимальной заботе об их выживаемости. Стратегия *r* характерна для низших животных (например, насекомых), но применяется и высшими при неустойчивых условиях окружающей среды. Данная стратегия предполагает продуцирование большого числа потомства при минимальной заботе о нем со стороны родителей. Поскольку выживание потомства в кризисных условиях окружающей среды не зависит напрямую от усилий родителей, стратегией *r* пользуются и высшие животные.

Если применить биологическую интерпретацию понятия репродуктивных стратегий по отношению к человеку, то зависимость количества потомства и качества заботы о нем от условий окружающей среды представляется диаметрально противоположной: в кризисных условиях количество потомков уменьшается. Впрочем, и это положение не представляется очевидным: «В частности, если причина низкого уровня рождаемости в России заключается только в социальном кризисе переходного периода, рождаемость должна была подниматься до прежнего уровня, когда ситуация стабилизировалась, чего пока не произошло» [3, с. 432]. Здесь, на наш взгляд, включаются такие субъективные факторы, как оцениваемый уровень обеспеченности женщины, ее возраст, образования и тому подобное, хотя общая тенденция к сокращению числа детей наблюдается в России и Европе в течение всего XX в. А.Г. Вишневецкий полагает: «Если принять во внимание все аспекты изменений в массовом прокреативном поведении и их последствий, то, возможно, следует говорить не о катастрофичной низкой рождаемости, а о внутренней перестройке всего социального организма, позволяющей перенести акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни. Привлекательность низкой рождаемости оказывается глубоко укорененной в образе жизни и системе ценностей современных городских обществ» [7, с. 486].

Не влияет существенным образом на характер репродуктивных стратегий и социальная политика. Конечно, предоставление материнского капитала за рождение второго ребенка из федеральных источников финансирования в глазах малообеспеченных слоев общества представляется довольно заманчивой перспективой. Однако, что касается региональных источников, то исследователи констатируют слабую осведомленность населения в этом вопросе: «Пилотный опрос семей с детьми в Алтайском крае и Самарской области, проведенный в 2015 году, показал крайне низкую осведомленность семей о существовании регионального материнского капитала, размерах выплаты, условиях получения и направлениях использования средств, особенно среди семей с одним или двумя детьми. Поскольку население не знает о программе, нельзя говорить о том, что

наличие программы может значимо повлиять на решение семей родить еще одного ребенка. В то же время результаты исследования показывают, что на планы семей о рождении ребенка в ближайшие три года влияет уровень материального благосостояния семей и возраст матери» [8].

В рамках данного исследования необходимо решить проблему, является ли благосостояние решающим фактором формирования индивидуальных репродуктивных стратегий. Уровень обеспеченности может оцениваться субъективно и объективно. Субъективная оценка производна от того, как понимает человек свое место в обществе, и она будет тем выше, чем комфортнее чувствует себя человек. Бедность является понятием относительным, оно не употребляется в тех случаях, когда окружающие человека субъекты обладают примерно равным с ним благосостоянием. Объективные оценки, связанные с понятиями минимального размера оплаты труда, составом потребительской корзины, в данной ситуации не представляются значимыми.

В заключение сделаем ряд выводов. Во-первых, понятие жизненного пути (сценария), в рамках которого разворачиваются индивидуальные репродуктивные стратегии, является сложным, и его понимание напрямую зависит от специфики конкретной, оперирующей им, науки. Во-вторых, факторы, определяющие выбор репродуктивной стратегии, следует разделять на объективные и субъективные. В современной ситуации, на наш взгляд, наиболее ощутимую роль в формировании репродуктивных стратегий играют субъективные факторы: оценка уровня жизни; здоровье; наличие или отсутствие принадлежности к той или иной религиозной конфессии; характер занятости; уровень образования. В связи с этим следует не только учитывать наличие субъективных и объективных факторов во всей полноте, но также проводить постоянный социологический мониторинг социально-культурной ситуации, влияющей на выбор субъектами той или иной репродуктивной стратегии.

Библиографический список

1. Костромина С.Н., Гришаева Н.В., Зиновьева Е.В., Москвичева Н.Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Психология, 2018. Т. 8, вып. 4. С. 341–357.
2. Ягафарова Д.Г. Влияние региональных факторов на систему качества жизни населения Республики Башкортостан // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4. С. 40–51.
3. Роткирх А., Кессели Е. Деторождение и его место в жизненном цикле петербургских женщин // Новый быт современной России: гендерные исследования повседневности. СПб., 2009. С. 427–455.
4. Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. Саратов; М., 2001.
5. Домашова Е.В. Социальная профилактика девиантного родительства в республике Алтай // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы VII, посвященной 20-летию кафедры «Социальные технологии» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (6–7 декабря 2018 г.). Улан-Удэ, 2018. С. 107–108.
6. Трефил Дж. Репродуктивные стратегии. URL: https://elementy.ru/trefil/21199/Reproduktivnye_strategii
7. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России: 1900–2000. М., 2006.
8. Елизаров В.В., Сеница А.Л. Факторы бедности семей с детьми и перспектива ее снижения // Уровень жизни регионов России. 2019. № 2. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/213069>